Пух от уст Эола

Примадонны на все времена

Королева Марго

Обозреватель "Вечернего Челябинска" Марго Моргулес – фигура для города знаковая. Остроумный и наблюдательный летописец повседневности, она сама стала одним из символов города. Чем-то вроде моего Вуди Алена, Моргулес нашла похожее сочетание "соплей и стебя", жизнерадостно сплетая тейль из юмора, сентиментальности и "правды жизни". Мама моя из-за одних только ее "женских историй" "Вечерку" покупает.

В ее редакционной квартире всегда дико накурено. Моргулес восседает за столом, завваленным рукописями, окружена стопками этих, высоотой в человеческий рост, она фонтанирует на ощупь, не без удали выдергивая нужную бумажку. Моргулес вообще любит мерзкорить из себя прожженную профессионалку из западных видеофильмов: мочная сигарета, цинизм и скепсис, куча неотложных заботы и порой раздражительная ленность во всех сферах человеческой деятельности. Все понимает: это игра в поддержку организма, маска, но все Марго уже в нее вросла. Ее вьюном заявляет она, потому что знает: терпеть не могу бедных детей "отличников", а если стебаться, мы начинаем ругаться. Тогда я пускаю в ход самый сильный аргумент: "Если мы поссоримся, – говорю я на полном серьезе, – кто вам некролог напишет? Вы же знаете, что лучше меня этого никто не сделает. Я и ход уже нашел: описать один день Ирины Израилевны через взгляд Марго, обладающей такой памятью?!" – соглашается Марго, выпуская дым в сторону. Мы мирились.

Нынче у Марго день рождения, хочется по-хорошему сделать ей придумкою-подарок, и в уважение, нежность и признание не нужно отступать от полу вольных шкварок. Глаза холодноватые, во взгляде можно уловить даже некоторую надменность: она над бытом, над суетными мелкими заботами, она в заоблачных высях искусства и ощущения. Ее сопровождает всегда не человек толпы и никогда не оставит в одиночестве, а всегда с профессором, депутат, лауреат Ставропольской премии и т.д. Она королева.

Анастасию Спиридоновну и в лучшие ее годы было трудно увидеть на улице, поскольку жила она в доме, примыкающем к театру (вход через гримерные), в здании, бывшем Народном доме, тем, где сейчас Театр для детей и юношества. Попасть туда можно было лишь через проходную. В очередях за жизнь Анастасию всего советского периода проходила в очередях; Анастасию Спиридоновну увидеть было невозможно. Она, даже покинув театр, пред почитала отказаться от него угодно, если предстояло выстоять хоть небольшую очередь. Одевалась Лескова дорого, строго, очень продуманно. Она понимала: каждое ее появление на людях – событие для этих самых людей. Хочешь не хочешь, а приходилось, как говаривала моя бабушка, "держать фасон".

И держали. На все жили, как Анастасия Спиридоновна и еще не многие актрисы, в отдельных квартирах с удобствами. Но даже из проживавшего конгломерата подъезда актерского общежития, что было на углу улиц Ленина (ныне – Свободы) и Тимирязева, где соседи, как в песне Высоцкого, "система коридорная, на тридцать восемь комнат", всего одна уборная", актриса любого ранга выходила с видом незамкнутого существа, чего бы ни это ни стоило.

Анастасия Спиридоновна, кстати, сохранила имидж дамы и уйдя из театра. Однажды, в то уже время, когда Лескову сделали перекрытия выбавать на людях и могла лишь позволить себе посидеть у подъезда, подышать воздухом, погреться на солнце, я встретила ее в тенистом дворе. На Леской были новое демисезонное пальто в клетку и очень подходящая к нему, то же новая, шляпка. Я рассыпалась в комплиментах и в ответ услышала: "Держать фасон!"

Пришельцы на площади Революции

1956 год. Лето. Вдоль сквера на площади Революции к драмтеатру движется группа женщин. Я, тогда только что перешедшая в десятый класс, узнаю их, замираю с открытым ртом. Во-первых, что за женщины: Вера Пашенная, Евдокия Турчанинова, Елена Гоголева, Ирина Лякос, Констанция Рекацвет Малого театра, гастролировавшего в те дни в Челябинске. Во-вторых, они все одеты так, как еще не одевалась ни одна женщина в нашем городе. Их было где-то двенадцать – пятнадцать, и все как из одной команды. На каждой либо серое, либо песочное легкое пальто из габардина, плетеная соломенная маленькая черная шляпка, у кого с сукоткой, у кого с букетиком искусственных фиалок, черные лакированные или замшевые туфли на пробковой подошве, с очень высокими толстыми каблуками, вязаные из тонких ниток ажурные черные перчатки, капроновые чулки телесного цвета с фигурной черной стрелкой и черным швом, на плечаке каждого пальто украшенный украшенный черный кожаный с лаком цветок, в руках – легкая лакированная кожаная сумочка.

Это я потом, когда дамы челябинского бомонда, в каких и я стала спустя семнадцать лет, в ответ на мой вопрос, что такое "шик", ответили: "Ты посмотри на Ольгу Кизимову, на Ирину Лякос, на Изабеллу Баратову, на Анастасию Лескову", – я вспоминала, что таких пальто существует всего два, их сшили в экспериментальном цехе знаменитой московской фабрики "Одежда" и что на родную выставку, а вот это ее московская приятельница сумела добыть для нее. После ухода со сцены, кстати, раннего, театром не очень спровоцированного Лескова жила совсем замкнуто, спектакли не посещала, за кулисами не появлялась, от всех попыток театра оказать ей помощь деньгами ли, продуктами высокомерно отказывалась, на нее, продажах дефицита, оргализуемых дирекцией и профсоюзом для работников родного коллектива, не появлялась. К ней имели доступ всего два-три приближенные женщины, но и в отношениях с ними Лескова держала дистанцию. В свой внутренний мир она не пускала никого.

Поддержание своего существования на пенсии Анастасия Спиридоновна тем, что потихоньку распродавала одежду (одна душа на родную выставку, а вот это ее московская приятельница сумела добыть для нее. После ухода со сцены, кстати, раннего, театром не очень спровоцированного Лескова жила совсем замкнуто, спектакли не посещала, за кулисами не появлялась, от всех попыток театра оказать ей помощь деньгами ли, продуктами высокомерно отказывалась, на нее, продажах дефицита, оргализуемых дирекцией и профсоюзом для работников родного коллектива, не появлялась. К ней имели доступ всего два-три приближенные женщины, но и в отношениях с ними Лескова держала дистанцию. В свой внутренний мир она не пускала никого.

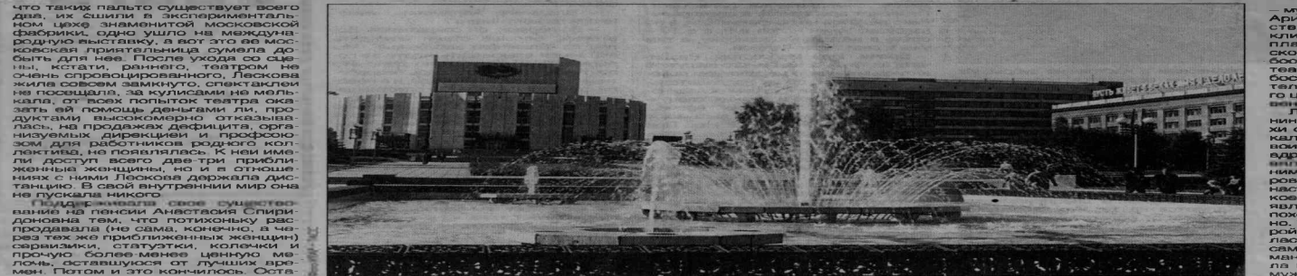
Поддержание своего существования на пенсии Анастасия Спиридоновна тем, что потихоньку распродавала одежду (одна душа на родную выставку, а вот это ее московская приятельница сумела добыть для нее. После ухода со сцены, кстати, раннего, театром не очень спровоцированного Лескова жила совсем замкнуто, спектакли не посещала, за кулисами не появлялась, от всех попыток театра оказать ей помощь деньгами ли, продуктами высокомерно отказывалась, на нее, продажах дефицита, оргализуемых дирекцией и профсоюзом для работников родного коллектива, не появлялась. К ней имели доступ всего два-три приближенные женщины, но и в отношениях с ними Лескова держала дистанцию. В свой внутренний мир она не пускала никого.

Ольга Кизимова

Изабелла Баратова

Анастасия Лескова

Людмила Аринина



Челябинск. Площадь Революции. Драматический театр им. С.Цвиллинга

Михайлушкина. Короче, Ирочка, идите и пишите, Игорь Кузьмич с вас и не спустит, не позволит отлынивать.

Пишу я, конечно, не написала. Просто через неделю-другую все это дело. У меня слишком короткое дыхание.

Но первый акт вся же под занавес Перепелкина набросала.

В провинциальный театр из Москвы по распределению приехала молодая пара. Не муж и жена, просто есть затянувшийся студенческий роман, перешедший уже из стадии радостного узнавания в нечто вялое, малоперспективное. То есть она любит и хочет определенности, а он бы и рад, но понимает: одному ему лечче будет вернуться в Москву. Девушка чувствует, что любовь будет принесена в жертву при первой же возможности, а ей самой выбраться из этой дыры вряд ли удастся. Растерянность чувств, вся на взводе, на грани истерики. И тут ей дают роль-мечту – Джульетту. Ни черта не выходит, естественно. И наперекоряж договаривается со старой актрисой, которая, если верить легенде, в свое время блистала в этой роли полтора десятка лет, не теряя ни свежести облика, ни чистоты во взоре, чтобы она поговорила с ершистым юным дарованием, помогла начинающей актрисе найти зерно роли.

Молодой, конечно, выслушивать наставления отжившей свое бывшей королевы провинциальных кулисов не захочет: "Нужны новые формы!" Но идти надо, а то с роли снимут...

Образ старой актрисы я взяла как "цитату" из "Маскарада" Лермонтова, но и Изабелла Баратова, Софья Прусская, Марина Эстетова... В нашем театре по все времена, что я помню, актрисы были потрясающие.

Лескова хороша была классической русской красотой, и манерами под стать: сдержанная, холодноватая, которая тем не менее создавала актрисе достигать поистине трагического накала. Она была очень хороша в русской классике ("Анна Каренина" и др.).

Баратова – южный тип, яркая внешность, сжигающий через край темперамент. Первоклассная (как тогда говорили) драматургия – не прямо завоеванная территория, мелодрама, жанр, где она умела заставлять зал рыдать, не перступая при этом грани хорошего вкуса. "Профессия миссис Уоррен" Бернарда Шоу истерия просчитана и содержательницы борделя, дочь которой узнает, как заработны деньги, вложенные в ее безупречное воспитание, долго собирала полные залы. Ходили "на Баратову".

Тамара Золотарева, очень красивая и в прямом смысле, и в переносном, держащая к себе взгляды, даже когда она просто стояла на сцене, в ней чувствовалась "Каса Марэ" Иона Друцэ, история любви молодого парня из молдавского колхоза, ставшего много старше его. Золотарева не скрывала, что ее, как и Баратову, в свое время в свое время, что такая женщина может внушить самую сильную страсть.

Софью Прусскую я помню уже пожилой. Она не была красивой, высокая, сухощавая, прямая, внешне как бы и не спустит, не позволит отлынивать. Но в ее исполнении Бирзан и таким дарованием тоже не обладал – великолепная характерная актриса, которая предназначена для провинциальных, впрочем, не только.

Всем этим женщинам, незамужем от индивидуальности каждой, были "грешны" некоторой отстраненностью от того, что вне театра. Их облик точно вписывался в стандартно насаждавшийся сверху советский эмпир, стиль величественный, монументальный и холодный, подавляющий любую индивидуальность. Об их личной жизни в городе было известно мало. Впрочем, тогда и не принято было выносить подробности личной жизни кого бы то ни было в широкое обсуждение. Представить себе невозможно, чтобы в газете появилось хотя бы репортаж из квартиры, скажем, Изабеллы Баратовой и Евгения Агеева – двух ведущих актеров театра. А уж скандальная статья!.. Семейная жизнь могла стать одним из пунктов повестки заседания парткома или даже собрания в качестве персонального дела, но за двери проходной эти вопросы не проникали.

Когда я обдумывала так и не написанную пьесу, то много размышляла над тем, какая жизнь была у этого поколения актрис.

Ведь их становление, расцвет дарования, зрелость и даже старость пришлись на страшные времена. Как прожили детство? Какие ветрами занесло их в Челябинск? Что переживали в конце тридцатых? Что потеряли в годы войны? Как жили после? Не беспечные, очень тяжелые годы? Их потери и обретения для меня остались тайной. Я была слишком юной, чтобы сблизиться с ними. Впрочем, вряд ли они были бы откровенны перед юной я к ним (если бы это было возможно) уже опытной журналисткою. Люди этого поколения привыкли держать рот на замке. С тем и ушли в могилы. Об их страстях можно только догадываться.

Фабричные девчонки

А на смену в конце пятидесятых – начале шестидесятых шло поколение, резко отличающееся от предыдущего. "Оттепель".

Изменилось многое в жизни страны, пришла новая драматургия (Розов, Арбузов, Володин, Шварц и многие другие, прошедшие добиться разрешения на постановку современных зарубежных пьес. Брехт, к примеру). Появились "Современник", Театр на Таганке. Что-то изменилось в самом конце пятидесятых поразили гастроли двух ленинградских театров: Большого драматического имени М. Горького под руководством Георгия Товстоногова и Театра комедии, возглавляемого Николаем Акимовым. Я не говорю здесь о спектаклях. Очень хочется, но это увело бы меня далеко от темы заметки. Я вспоминаю, как мы ходили смотреть, чтобы понять, как следует теперь одеваться. Коротко стриженные, в зависимости от моды простои трикотаж, вместо блузок мужские рубашки. Кроме того, у Арининой было нечетное количество круглых пластмассовых клипс, несколько разных, тоже пластмассовых, сумочек и несколько же пар ярких недорогих босоножек. Когда она выплетала из театра на улицу, клипсы, сумочки и босоножки танкетки были обязательно одного, как правило, яркого цвета. Ей все это шло необыкновенно.

Любопытно, что Климова и Аринина были первыми среди слуги прихи о личном жизни которых проникали в город и вызывали очень живое интерес. Если Ольга Климова вдруг толстела, выходила на сцену вся в красных пятнах, то понимали, что очередной роман очаровательной актрисы закончился, наступил период. Проходило какое-то время, и вдруг Климова появлялась похудевшая, невероятно помолодевшая, с прической "ежик". Тогда все хотели узнать, кто герой нового романа. Аринина горбела город тем, что, приехав сюда с мужем, известным кинорежиссером Леонидом Стуровым, предложила ему режиссуру Николая Мокина, немолодого и некрасивого. Правда, очень талантливого. Это он ставил "Старшую сестру".

Обе актрисы в конце концов оказались в Москве. Аринина – на сцене Малого. Она стала звездой в Московском областном театре. С годами у ней пришли роскошные роли в кино и телевидении. Помнит по ее медсестру в сериале "На всю оставшуюся жизнь".

Климова перехала в Москву уже на излете карьеры. В принципе в театре Моссовета. Мне довелось случайно попасть на первый спектакль этого театра по Мамину-Сибиряку. Климова играла одну из главных ролей. Лидмила Аринина горбела город. Об их дальнейшей личной жизни мне ничего не известно.

Я намеренно не упоминаю ни одной из актрис, ныне здравствующих на сцене. Должно пройти какое-то время, чтобы все-таки осмыслить их место в жизни города. Да и обижать кого-то, хотя бы забыв упомянуть, можно лишь недостатка места, не хочется. Они так уязвимы, эти женщины. Любой сановуженный дурак, вообразивший себя критиком или хотя бы театралом, может бесцеремонно высказывать что угодно об их работе на газетной странице перед телекамерой. Я люблю их. Я хочу, чтобы они были счастливы, чтобы город понял, какие они значит каждая из них для нашей жизни.

Для того и написано.

Ирина МОРГУЛЕС